

чувствовать (съ сознаниемъ или безъ онаго) *меньшие Христа* и *пассивно* дать себя имъ обѣять.

Дѣлаетъ ли это Толстой?

Нѣтъ.

Какъ же онъ себя чувствуетъ (повидимому — безсознательно) по отношенію къ Христу? Дѣйствуетъ ли онъ то *активно*, то остается *пассивнымъ*, давая ему на себя дѣйствовать и *чувствую* себя *равнымъ* ему?

Нѣтъ, даже этого нѣтъ.—Толстой обращается съ Христомъ, какъ съ яблокомъ. Онъ береть въ руки, вертить со всѣхъ сторонъ,нюкаеть, смотритъ, пробуетъ—и то, что находить въ Немъ не по вкусу—выплевываетъ, какъ негодное.

Чувствуя себя *великимъ человѣческимъ разумомъ*, хочетъ поглотить Христа и сдѣлать Его частью себя.

Оттого Христосъ остается для него *непроницаемымъ* и, какъ онъ ни старается, какъ ни „напрягаетъ свои мысли“, въ результатѣ получается (быть можетъ очень для многихъ интересное) знакомство со *стараниями Толстого*. Христосъ же *еще дальше* уходитъ отъ пониманія людскаго. Потому что то, что онъ подноситъ людямъ (да еще маленькимъ дѣтямъ!) подъ видомъ Христова ученія, столь же даетъ представление о Христѣ, сколько оставшіеся „хвостикъ да кожица“ даютъ понятіе объ яблокѣ.

Толстой говоритъ, что „онъ не гордый“: онъ сознаетъ свои немощи. Можетъ быть и не „гордый“, но онъ „взрослый“. Взрослый признаетъ, что у него есть разумъ и этотъ разумъ руководитъ имъ въ жизни. („Что такое религія“ стр. 53). „Разумъ есть та сила людей, которая опредѣляетъ ихъ отношенія къ миру, а т. к. ... (тамъ же стр. 27) „чувство вызываетъ потребность установленій человѣка къ Богу, разумъ опредѣляетъ это отношеніе“ (тамъ же 14 стр.). „Человѣкъ, и даже непремѣнно, долженъ (потому что къ этому неудержимо влечетъ его разумъ) разматривать... (тамъ же стр. 11). „Разумный человѣкъ не можетъ жить безъ религіи именно потому, что разумъ составляетъ свойство его природы“.

Это все быть можетъ и правильно, только для „взрослого“. А отъ взрослыхъ, т. е. разумныхъ утаилъ Господь, а *младенцамъ* открылъ.

Если же Толстой раньше всего и первѣе всего *вѣритъ*